

пропаганда, агітація, зустрічі з виборцями, маніпулятивні технології, політичний піар тощо) найбільш впливовим залишається саме політична реклама, витрати на яку зростають з кожною кампанією, а якість реклами потребує пошуку нових форм та смислів.

Довели свою дієвість під час виборчих перегонів візуальні форми політичної реклами, а саме зовнішня реклама (білборди), телевізійні ролики та джінса – замовні відео та друковані інформаційні повідомлення, які за змістом є прихованою політичною рекламою.

СПИСОК ВИКОРИСТАНИХ ДЖЕРЕЛ

1. Алтухова Н. Ю. Электоральный маркетинг как разновидность политического маркетинга [Электронный ресурс] / Н. Ю. Алтухова. – Режим доступа: http://www.superinf.ru/view_helpstud.php?id=1972
2. Балашова А. Н. Технология избирательной кампании в западной политической науке / А. Н. Балашова // Вест. Моск. ун-та. Сер. 12: полит. науки. – 2000. - №2. – С. 62-75.
3. Бебик В. М. Менеджмент виборчої кампанії: ресурси, технології, маркетинг: навч.-метод. посіб [для студ. вищ. навч. закл.]. / В.М. Бебик. – К.: МАУП, 2001. – 216 с.
4. Бебик В. М. Політологія для політика і громадянина / В.М. Бебик.: [Монографія]. –К.: МАУП, 2003. – 424 с.
5. Бутченко М. Аттракцион невиданной щедрости / Максим Бутченко // Новое время. – 2014. - № 23 (23). - С. 20-22.
6. Дорош М. Джинса в медіа – які реальні методи протидії? [Електр. ресурс] / Марина Дорош. – Режим доступа: <http://osvita.mediasapiens.ua/print/material/35656>
7. Кабачій Р. «Джинсове» віяло виборця [Електр. ресурс] / Роман Кабачій // Тиждень. – 2014. - №43(363). – Режим доступа: <http://tyzhden.ua/Politics/121930/PrintView>
8. Музиченко Г. В. Ефективність політичної реклами в електоральному процесі: досвід позачергових виборів Президента України-2014 / Г. В. Музиченко // Гріні. Науково-теоретичний і громадсько-політичний альманах. – 2014. - № 9 (113). – С. 76-82.

Настасийчук Елена Сергеевна, аспирант Одесского национального университета имени И. И. Мечникова

УДК 130.2

МИФОЛОГЕМА «ДОМА» В ТВОРЧЕСКОМ НАСЛЕДИИ МАРИНЫ ЦВЕТАЕВОЙ

В статье анализируется мифологема «дома» на материале творчества М. Цветаевой. Автор раскрывает специфику данной мифологемы, её смысловые особенности, показывает роль дома в духовной жизни человека.

Ключевые слова: мифологема, архетип, дом, мифотворчество

МИФОЛОГЕМА «ДОМУ» В ТВОРЧЕЙ СПАДЩИНІ МАРИНИ ЦВЕТАЄВОЇ

У статті аналізується міфологема «дому» на матеріалі творчості М. Цвєтаєвої. Автор розкриває специфіку цієї міфологєми, її сенсові особливості, показує роль дома в духовному житті людини.

Ключові слова: міфологема, архетип, дім, міфотворчість

MYFOLOHEME «HOME» IN MARINA TSVETAIEVA'S CREATIVE HERITAGE

The article deals with the analysis of the mythologeme of "home" on the basis of M. Tsvetaeva's works. The author reveals the specifics of the mythologeme, its semantic features, shows the role of the home in the spiritual life of man.

Key words: mythologeme, archetype, home, mythmaking

Дом играет ключевую роль в практической и духовной жизни человека. Однако быстротечность смены событий всегда, а особенно в наше время, оттесняет домашний очаг на второй план и способствует обесцениванию его принципиальной духовной значимости. Теперь дом выступает преимущественно как место, где можно отдохнуть, набраться сил для очередного этапа пути, для очередного погружения в нескончаемый поток повседневности. Дом связывается всего лишь с

плотскими, физиологическими потребностями, материальными удобствами и комфортом. Мы перестали видеть дом в его подлинном, существенном облике, перестали наполнять его истинными ценностями. Из кладези духовных сокровищ дом превратился в обычное убежище. И мы всё дальше и дальше уходим от духовных основ жизни, от священных традиций, которые должны не только передаваться, но и соблюдаться из поколения в поколение. А ведь еще древнекитайский философ Лао-Цзы говорил, что реальность здания заключается не в четырех стенах и крыше, а во внутреннем пространстве, предназначенном для жизни.

Проблема дома, а точнее его отсутствия, в XXI веке становится актуальной как никогда. Еще несколько лет назад события, подобные событиям гражданской войны начала XX века, казались безвозвратно пройденным этапом нашей истории. И вот мы вновь вовлечены в пучину войны, ещё более беспощадной и бессмысленной. Люди вновь вынуждены покидать свой родной кров и скитаться в поисках убежища. Именно в такие времена и ощущается подлинная значимость места, именуемого домом. Отсюда и *цель настоящей статьи* – актуализировать и показать ценность дома, его духовный смысл на примере житетворчества М. Цветаевой. Однако сначала остановимся на ряде положений историко-теоретического плана.

Несомненно, дом является одним из основополагающих элементов культуры. Издревле дом представлялся центром вселенной. Он повторял пространственное устройство мироздания. Так, в славянской мифологии четыре стены дома символизировали четыре стороны света. Фундамент, жилая часть дома и крыша соответствовали трем уровням Вселенной: преисподней, земной сфере и сфере небесной. Одним из важных составляющих дома была печь. «В доме главным оберегом считалась печь. У печи давали клятвы, у печного столба заключали договоры» [1, с.173]. Печь, как и мировое дерево, обозначала центр жилища. Одновременно она играла и роль границы, поскольку через дымоход и печную трубу осуществляется связь с внешним миром и тем светом. Дом можно отнести к основополагающим архетипам культуры. Архетип «дома» выступает в качестве упорядоченного внутреннего пространства – космос, который противостоит внешнему миру – хаосу. Интересен также и тот факт, что в древнерусском языке за словом «домъ» утверждалось большое количество значений. Это не только здание, усадьба или любое другое помещение, но и «Дом божий, храм или церковь», жилище человека, жилище души, христиане, христианский народ» [4, с.306].

Для того, чтобы раскрыть духовную значимость дома в творческом наследии М. Цветаевой, нам необходимо также уточнить понятие «мифологема». Термин «мифологема» возник еще в начале XX века в Западной Европе и Америке в рамках двух школ: мифологической и психологической. Затем на протяжении десятилетий смешивались воедино два термина мифологема и архетип или, наоборот, употреблялись в противовес один другому как сознательное (мифологема) и бессознательное (архетип). В последнее время ученые чаще сходятся на том, что мифологема представляет собой различные комбинации и модификации архетипа, тогда как архетип объединяет в единое культурно-мифологическое поле разбросанные во времени и пространстве мифологемы, обеспечивая тем самым единство человеческой культуры. Таким образом, обе категории (мифологема и архетип) раскрывают статические и динамические черты мифологически ориентированного сознания. Разного рода комбинации мифологем и архетипов обуславливают многоуровневость мифологического континуума.

Творение не всегда включает в себя мифологему «каждое художественное произведение, в котором и в помине нет никаких мифологем или архетипов может быть превращено (как видно на десятках примеров) в миф» [3, с.47], но она должна быть реконструирована и воплощена в жизнь. Так, один из современных ученых использовал понятие «мифологемы» как фундаментальный термин и применял её как «метод мифореставрации» [5, с.15]. Как раз через мифологему мы можем восстановить традиции. В отличие от архетипа и мифа мифологема является динамической составляющей. Она задает многослойную и многомерную структуру данного континуума. Под мифологемой, по сути, разумеется «сознательно заимствованное в мифологии понятие (образ, мотив), перенесенное в мир художественной культуры» [2, с. 22]. Мифологема является первичной формой мифологического образа. Через неё человек получает фундаментальные образы, которые впоследствии формируют жизненный или художественный миф. Она также является основополагающей единицей культурно-исторического континуума, поскольку обладает способностью объединять разные эпохи и культуры, тексты различных родов, жанров и стилей. Однако, несмотря на многочисленные разыскания, четко разработанной теории мифологемы до сих пор не существует. Тем не менее есть работы, в которых предпринимаются попытки систематизировать представления о мифологеме [см.: 3, 5, 6 и др.]

Перейдем к рассмотрению мифологемы «дома» в творческом наследии Марины Цветаевой. Пожалуй, сложно найти такого другого поэта, которому был бы так чужд и в тоже время так

необходим быт. «Жизнь – вокзал, скоро уеду, куда – не скажу», – писала она [9, с.624]. Стало быть, каждый её дом – это всего лишь остановка, место временного пребывания, а потом опять в путь, на поиски нового пристанища.

Цветаевой довелось жить в эпоху серьезных потрясений и переломных событий, в эпоху революций и войн. Обычные бытовые проблемы усложнялись дефицитом всего самого необходимого. С ценными вещами приходилось прощаться для того, чтобы не умереть от голода: собственноручно рубить мебель, чтобы топить печь. Духовные ценности в силу необходимости оттеснялись материальными заботами. Политическая обстановка того времени в прямом смысле вытесняла Цветаеву из родного крова. К тому же оставленные дома опустошали и расхищали: «Вся моя утварь исчезла, уцелели только книги, а мебелью взломщики до сих пор пользуются, потому что мне некуда ее взять» [12, с.700]. Волею судьбы Цветаева потеряла не только Россию как родину и подлинный дом, но и дом в самом обычном, человеческом смысле. На протяжении всех лет эмиграции у неё не было постоянного жилища, не было родного очага и крова, только лишь временные, всегда чужие и чуждые пристанища.

В силу жизненных обстоятельств ей приходилось менять дома один за другим. «Новый неприютный дом – по ночам опять не сплю – боюсь –слишком много стекла – одиночество – ночные звуки и страхи: то машина, черт ее знает что ищущая, то нечеловеческая кошка, то треск дерева – вскакиваю» [12, С. 696]. Ни в одном из новых убежищ она не обрела гармонии. Не раз в её стихотворениях звучат мотивы: «Всяк дом мне чужд, всяк храм мне пуст, / И всё – равно, и всё – едино...» [10, с.316].

Нельзя обойти стороной и тот факт, что еще в детстве, благодаря матери М. Цветаевой, Марии Александровны Мейн, вся их семья была хорошо знакома с истинными ценностями домашнего очага. А ведь действительно. Ни один из домов, обретаемых человеком в зрелой жизни, не может сравниться с домом детства, родительским домом. Этот дом Цветаева очень любила и называла «самым родным из всех своих мест». В письме к чешской подруге Анне Тесковой она писала: «Кстати «Трехпрудный» – в моих вещах – Трехпрудный переулок, где стоял наш дом, но это был целый мир, вроде имения (Hof), и целый психический мир – не меньше, а м.б. и больше дома ...» [11, с. 431-432].

Дом детства – самый родной, самый красочный. И если пребывание в нем было в радость, то он всегда вспоминается как самое сладостное место жизни. В детстве все окрашено яркими, светлыми тонами. С возрастом нам свойственно приукрашать и нередко мифологизировать события детских лет: дом детства – это сказка, место, где всегда уютно и светло. Еще при жизни Цветаевой первый дом их семьи был разрушен, а вместе с ним ушли в небытие и лучшие моменты жизни.

«Ты, чьи сны еще непробудны,
Чьи движенья еще тихи,
В переулок сходи Трехпрудный,
Если любишь мои стихи.

О, как солнечно и как звездно
Начат жизненный первый том,
Умоляю — пока не поздно,
Приходи посмотреть наш дом!»

[8, с.196]

Когда мы лишаемся родительского крова, бесспорно, ощущается боль потери, но эта боль становится ещё острее в момент расставания с родиной, поскольку это и есть, по сути дела, наш подлинный дом: язык, родной язык, традиции, обряды, сам воздух, которым мы дышим. Марина Цветаева долгие семнадцать лет жила вне родины, вне дома. И, тем не менее, дом свой она свято хранила в сердце.

Мы видим, что на значимость дома в жизни человека влияют несколько факторов: во-первых, дом как воспоминание о сказочном времени, о детстве, во-вторых, разрушение дома, невозможность вернуться в родовое гнездо, потеря Дома, и вдобавок всё обостряется сложившимися жизненными обстоятельствами, эмиграцией. Дом остается лишь в памяти и здесь уже дополняется, домысливается.

Через мифологему «дома» человек упорядочивает мир. В предисловии к российскому изданию книги «Мифологемы: Воплощения невидимого мира» Джейм Холлис обращает наше внимание на то, что произойдет без мифологемы. «Если мы оставим без внимания эти энергетически заряженные идеи, – пишет ученый, – то очень вероятно, что будем проживать чью-то чужую жизнь [6, с. 11]. И пусть самого дома уже не существует, но в памяти, которая также в некотором смысле есть наше

духовное пристанище, навсегда укоренены традиции и идеалы этого места.

В апологии «Кедр» мы можем видеть, как Цветаева уравнивает в правах дом и душу: «Почему никто от Революции не спасается внутрь себя, под веки, вглубь собственной груди, в свой единственный дом – Душу? Почему все ищут спасения вокруг, от других, тех или этих?» [12, с. 260]. Во время тяжелых испытаний судьбы, нет лучшего убежища, чем родные пенаты. Но если дома нет и негде спрятаться, остается искать дом в душе. В письме к Пастернаку от 14 февраля 1925 года Цветаева писала: «Душу свою я сделала своим домом (*maison son lande*), но никогда дом – душой. Я в жизни своей отсутствую, меня нет дома. Душа в доме, – душа – дома, для меня немислимость, именно не мыслю» [11, с.242].

Находясь в эмиграции, все чаще разочаровываясь в людях, Цветаева отметит, что у каждого человека есть свои истоки, на которых возвращается личность. Человек не мыслим без истории, и у каждого она своя. История человека все равно, что корни у дерева: «В корнях легко увязнуть: корни – и родниковые воды, да, но и: корни – и черви. И часто: начав корнями, кончают червями» [10, с.247]. Как и у человека, у каждого дома есть своя история, свои основы. В зависимости от того, какой будет заложен «фундамент» дома в понимании человека, на такой основе и будет выстроен кров. Дом – зеркало человеческой души. Какую заложишь основу в свой родной кров, какое посеешь зерно – такие возрастут плоды. Червивые корни цветения не дают.

Приведенную выше цитату можно отнести и к Родине поэта. Россия погрязла в революции, в смене политического режима, в процессе переутверждения ценностей – страна утратила свои корни, изменила истокам. «Дерево не растет в воздухе, что корни, но не ошибка ли русских в том, что они за корнями («нутром») не только забывали вершину (цветение), но еще считали ее некой непозволительной роскошью» [12, с.246]. Спустя столетия мы вновь наталкиваемся на одну и ту же проблему – потерю жизненных ценностей, но это тема уже для другого исследования.

Нельзя обойти вниманием строки Цветаевой в письме к Пастернаку от 14 июля 1925 года, где автор проводит аналогию между образом дерева и домом: «дерево ждет любви (внимания)» [11, С.248]. Как и каждое дерево, так и каждый дом нуждается в уходе. Сквозь призму мифологемы «дома» формируются и выстраиваются новые образы, которые впоследствии формируют жизненный или художественный взгляд.

Невозможность обрести постоянное пристанище и в то же время острая необходимость в оном, приводят к тому, что Цветаева выстраивает образ дома в своем творчестве. Неосязаемый кров мы можем увидеть, окунувшись в поэзию, прозу, дневниковые записи и письма поэта. Еще в далеком 1923 году в письме к Бахраху от 25 июля она вспоминала разговор с Мандельштамом, которого тогда учила: «Если мне, через свою живую душу, удастся провести вас в Душу, через себя – во Всё, я буду счастлива. Ведь Всё – это мой дом, я сама туда иду, ведь я для себя – полустанок, я сама из себя рвусь!» [12, с.573].

На примере житнетворчества Цветаевой мы можем видеть, сколь глубокими смыслами наделялся дом, какое значимое место он занимал в её жизни. Воспоминания о родном доме она берегла всегда.

«Возгласами звонкими
Полон экипаж.
Ах, когда же вынырнет
С белыми колонками
Старый домик наш!»

[7, с.160]

Так сложилась жизнь, что Марине Цветаевой не удалось создать свой очаг, но она сумела сделать гораздо большее: ей удалось создать дом в сердце, в творчестве, пронести его через революции и войны, через тяжелейшие годы эмиграции и разлуки с родными людьми, а главное – ей удалось сделать этот дом вне времени и пространства. И, обращаясь к её наследию, у нас есть шанс через сотни лет ощутить подлинную ценность дома.

На примере жизненного пути Марины Цветаевой мы видим, насколько важное место в жизни человека занимает дом. В наше быстротечное время порой абсолютно не замечаемое пространство – пространство дома продолжает нести необходимые жизненные ценности. Человеку свойственно ощущать всю значимость ценностей лишь в момент острой нехватки оных – в момент потери. Дому, которому поручено огромное количество назначений, дарована возможность храниться и в необходимый момент раскрыться в мифологеме «дома». Житнетворчество поэта Серебряного века Марины Цветаевой является лучшим тому подтверждением.

Мифологема «дома» является неиссякаемым кладом человеческих ценностей. В культурологическом аспекте мифологема «дома» до сих пор остается до конца не изученной. Вопрос

о правильном построении родного очага, как одной из жизненно важных ценностей, не может не быть актуальным. В наше сложное время проблема дома как никогда нуждается в изучении. Посредством родного дома человек выстраивает свое представление о жизненных ценностях. С истоков родного крова начинается любовь к Родине, любовь к своей земле.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Белякова Г. Славянская мифология. – М.: Просвящение, 1995. – 240с.
2. Карпов И. Словарь авторологических терминов. Йошкар-Ола: Марийский гос. пед. Институт, 2003. – 64с.
3. Козлов А. Миф и его современные интерпретации. – Севастополь: СевГТУ. – Вып.102. – С.44-48
4. Словарь русского языка XI - XIVвв.. В 10 т. – М.: Наука, 1977. – Т. 4. – 407с.
5. Телегин С. Термин «Мифологема» в современном российском литературоведении // Архетипы, мифологеми, символы в художественной картине мира писателя. Материалы заочной научной конференции. – Астрахань: Астраханский университет, 2010. – С. 14 – 16.
6. Холлис Дж. Мифологеми: Воплощения невидимого мира. – Москва: Класс, 2010. – 184с.
7. Цветаева М. И. Собрание сочинений: В 7 т. – Т. 1: Стихотворения. – М.: Эллис Лак, 1994. – 639 с.
8. Цветаева М. И. Собрание сочинений: В 7 т. – Т. 2: Стихотворения. Переводы. – М.: Эллис Лак, 1994. – 591 с.
9. Цветаева М. И. Собрание сочинений: В 7 т. – Т.4: Воспоминания о современниках. Дневниковая проза. – М.: Эллис Лак, 1994. – 686 с.
10. Цветаева М. И. Собрание сочинений: В 7 т. – Т.5: Автобиографическая проза. Статьи. Эссе. Переводы. – М.: Эллис Лак, 1994. – 718 с.
11. Цветаева М. И. Собрание сочинений: В 7 т. – Т.6: Письма. – М.: Эллис Лак, 1995. – 798 с.
12. Цветаева М. И. Собрание сочинений: В 7 т. – Т.7: Письма. – М.: Эллис Лак, 1995. – 847 с.

Палазова Тетяна Михайлівна, кандидат політичних наук, викладач, Державного закладу «Південноукраїнський національний педагогічний університет імені К. Д. Ушинського»

УДК 32(477)

ПОЛІТИЧНА ЕЛІТА ЯК СУБ'ЄКТ ПОЛІТИЧНОГО ПРОЦЕСУ

Завдяки вивченню особливостей функціонування політичної еліти на пострадянському просторі в останні десятиліття, було встановлено, що політична еліта відіграє значну роль у модернізаційних процесах через недостатній розвиток громадянського суспільства. Показано, що політична еліта характеризується неконсолідованістю та неефективністю функціонування, неможливістю оновлення її складу. Серед головних чинників такого стану виділено формування політичних мегасуб'єктів.

Ключові слова: політична еліта, модернізація, політичні суб'єкти, політичні мегасуб'єкти

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЭЛИТА КАК СУБЪЕКТ ПОЛИТИЧЕСКОГО ПРОЦЕССА

Благодаря изучению особенностей функционирования политической элиты на постсоветском пространстве в последние десятилетия, было установлено, что политическая элита играет значительную роль в модернизационных процессах вследствие недостаточного развития гражданского общества. Показано, что политическая элита характеризуется неконсолидованностью и неэффективностью функционирования, невозможностью обновления ее состава. Среди главных факторов такого положения выделено формирование политических мегасубъектов.

Ключевые слова: политическая элита, модернизация, политические субъекты, политические мегасубъекты

POLITICAL ELITE AS SUBJECT OF POLITICAL PROCESS

Due to the study of features of functioning of political elite on post-soviet space in the last decades, it was set that a political elite plays a considerable role in modernization processes through insufficient